

А. Г. Горак

ГОСУДАРСТВО И МОБИЛИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ СИЛ: БОРЬБА С ЧУМОЙ РОГАТОГО СКОТА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XIX — НАЧАЛЕ XX В.

doi: 10.30759/1728-9718-2018-4(61)-30-37

УДК 94(470)“18/19”

ББК 63.3(2)53

В статье представлена история успешного мобилизационного проекта, направленного на решение важной проблемы, осложнявшей международную торговлю продовольствием — на борьбу с эпизоотиями крупного рогатого скота. В XIX в. прогоны крупного рогатого скота из восточных и южных регионов Российской империи в Царство Польское имели общеевропейское значение. Они достигли своего пика к середине столетия. Масштабный экспорт «пищи на ногах» оказался под угрозой в связи с распространением вспышек чумы крупного рогатого скота. Борьба с ними традиционными административно-полицейскими методами оказывалась недостаточной и требовала поиска нестандартных мер. Выход был найден с помощью мобилизации общественных усилий, консолидации и синхронизации действий властей и организаций скотовладельцев и ветеринаров. Действия коронных властей, рассчитанные на понимание всех заинтересованных сторон и на общественную поддержку, оказались гораздо эффективнее запретительных бюрократических мер и привели к положительным результатам, закрепить которые не удалось в связи с начавшейся Первой мировой войной и последующими революционными событиями.

Ключевые слова: *Российская империя, Царство Польское, общественная мобилизация, торговля скотом, карантин, прогоны скота, эпизоотия, чума рогатого скота, ветеринарная полиция*

Торговля скотом была важной областью хозяйственной деятельности шляхты, мещан и евреев Речи Посполитой XVII–XVIII вв., после торговли хлебом. Огромные стада, достигавшие десятков тысяч голов, шли из степей через южные районы страны на Силезию.

Прогоны начинались в Молдавии, Валахии, на Украине, а после убоя мясо отправляли по Висле и Одере в земли Священной Римской империи германской нации, во Францию и даже в Лондон. Вопрос торговли говядиной, столь важный для I Речи Посполитой, заслужил особого внимания в монографии Я. Башановского,¹ в значительных фрагментах труда Р. Рыбарского,² в меньшей степени — в работах других авторов.³ Таким образом, скототорговля с точки зрения

как экономики и транспорта, так и ветеринарии, хотя обычно и связывается с историей Дикого Запада и Австралии, интересна и историкам европейских стран.⁴

Определение «пища на ногах» («food on foot») из книги, посвященной торговле скотом в Дании и Нидерландах, прекрасно отражает важность прогонов скота и роль говядины в урбанизации Европы и, в более общем плане, в повседневной жизни крупных населенных центров. В XIX в. в Европе по разным причинам спрос на говядину из степных районов снизился, но многолюдное Царство Польское⁵ с многочисленными русскими гарнизонами и быстро растущим еврейским населением стало само по себе тем центром потребления, который требовал огромных масс скота, транспортировавшегося сначала собственным ходом, а позже — железными дорогами.

При этом следует подчеркнуть, что говядина была основным мясом, которое можно

¹ Baszanowski J. Z dziejów handlu polskiego w XVI–XVIII w. Handel wołami. Gdańsk, 1977.

² Rybarski R. Handel i polityka handlowa Polski w XVI stuleciu. Warszawa, 1958.

³ См.: Guldon Z., Stępkowski L. Handel wołami w świetle rejestrów celnych komory kaliskiej z lat 1647–1654 // Kwartalnik Historii Kultury Materialnej. 1978. Т. 26, № 4. С. 537–542; Horn M. Handel wołami na Rusi Czerwonej w pierwszej połowie XVII w. // Roczniki Dziejów Społecznych i Gospodarczych. 1962. Т. 24. С. 73–88.

⁴ См.: Gijsbers W., Koolmees P. Food on foot: long-distance trade in slaughter oxen between Denmark and the Netherlands (14th–18th century) // Hist. Med. Vet. 2001. № 26 (3–4). P. 115–127; Blanchard I. The Continental European Cattle Trades, 1400–1600 // The Economic History Review. 1986. Vol. 39, iss. 3. P. 427–460; Glamann K. The Cattle Trades // The Cambridge Economic History of Europe. Cambridge, 1966. P. 232–240; Rifkin J. Beyond Beef: The Rise and Fall of the Cattle Culture. New York, 1992.

⁵ В польской литературе для исторического периода 1815–1871 гг. применяется термин «Королевство Польское».

Горак Артур Генрикович — доктор хабилитус, адъюнкт кафедры архивоведения и вспомогательных исторических дисциплин, Институт истории, Университет Марии Кюри-Склодовской (г. Люблин, Польша)
E-mail: Artur.gorak@umcs.lublin.pl

было транспортировать на длинные дистанции. Однако все искусственные монокультуры сопровождаются эпидемиями. Скот страдал от разных заболеваний, но самым губительным была чума рогатого скота (лат. *typhus bovinus contagiosus*, пол. *księgosusz*), уровень падежа от которой достигал более 90 %. Масштабы катастрофы были столь велики, что это побудило к организации в 1761 г. первой ветеринарной школы в Лионе. И хотя уже давно было известно, что чума рогатого скота является инфекционным заболеванием, лишь в 1902 г. удалось доказать, что эта болезнь была вызвана определенным вирусом (*Rinderpest Virus*). В 1924 г. было создано Международное эпизоотическое бюро (МЭБ) для координации мер профилактики и борьбы с этим заболеванием, а в 1945 г. была создана Продовольственная и сельскохозяйственная организации ООН (ФАО, англ. *Food and Agriculture Organization of the United Nations*). И только 25 мая 2011 г. МЭБ официально подтвердило, что чума рогатого скота как вторая в истории, после оспы, инфекционная болезнь считается искорененной полностью.⁶

В XIX в. перед лицом этой эпизоотии все экономические и транспортные проблемы скотоводства и скототорговли отошли на второй план. Чума рогатого скота разрушительно влияла на хозяйственную жизнь населения, а косвенно — и государства, в том числе на снабжение армии и военных гарнизонов. В то же время борьба с чумой рогатого скота была совершенно непосильной для населения как по масштабам распространения заболевания, так и по финансовым затратам, а государство долгое время не занималось решением этой проблемы.

Первоначально масштабная акция властей была нацелена на задержание эпизоотии в карантинных границах. Это привело к формированию ветеринарной полиции как области полномочий государства, а в конечном счете и как отрасли управления. Но вскоре стало ясно, что ни крупные денежные вложения, ни угрозы наказаний, ни кордонные линии и вооруженная стража не способны решить проблему без мобилизации общественных сил и без привлечения их к сотрудничеству.

Сосредоточим внимание на том, какие усилия предприняло государство в этом направлении, какова была реакция населения, как она изменялась от оппозиции к сотрудничеству и даже к перехвату инициативы.

В Царстве Польском положение ветеринарной полиции менялось в соответствии с переменами государственного статуса этой территории и ее системы управления. В этой связи особое значение имел (помимо уровня развития ветеринарной науки) статус границы с Российской империей. Восстание 1830–1831 гг. и связанные с ним военные действия привели к вводу российских войск в города и крепости Царства Польского, а позже, в 1851 г., — к ликвидации таможенной границы. Край, бывший значительно более урбанизированным и густозаселенным по сравнению с российскими губерниями, оказался практически открытым для распространения эпизоотий с территорий Средней Азии и Кавказа. Огромный ущерб, наносимый населению, привлек внимание властей и побудил к введению ограничительных мер на границах Царства Польского, принявших карантинный характер. Санитарное значение границы не уменьшилось ни после ликвидации особого государственного статуса польских территорий в 1832 г., ни после ликвидации автономии в 1871 г. и глубокой интеграции края в состав империи.

Правила транспортной торговли российским рогатым скотом через Польшу с Австрией и Пруссией были определены еще сенатским указом от 19 июня 1826 г., изданным на основе соглашения между Российской империей и Царством Польским. Указ определял пути для прогона гуртов скота от российских таможен до внешних польских застав. Специальная инструкция предусматривала семь так называемых воловьих трактов от российской до прусской и австрийской границ, и организацию мест осмотра скота на границе и по дороге.⁷

Примечательным в это время явился растущий интерес властей к мобилизации общества для борьбы с эпизоотиями. Поскольку вскоре оказалось, что введение наказаний в Уголовный кодекс Царства Польского не принесло ожидаемых результатов, было решено прибегнуть к финансовому стимулированию заинтересованных лиц. Первой мерой стало введение страховых, что можно считать довольно

⁶ См.: Beer J. Choroby zakaźne zwierząt domowych. Warszawa, 1980. Т. 2; Domenech J., Lubroth J., Sumption K. Immune Protection in Animals: The Examples of Rinderpest and Foot-and-Mouth Disease // Journal of Comparative Pathology. 2010. Vol. 142. P. 120–124. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0021997509003661> (дата обращения: 15.06.2018).

⁷ См.: Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗ). Собр. 2. Т. 1. № 272.

прогрессивным подходом. Указом от 29 декабря 1842 г. дирекции Общества страхования от огня поручалось управлять и другими видами страхования, в том числе от падежа скота.⁸

Почти одновременно стали внедряться просветительские меры. Эдвард Островски, главный медицинский инспектор и директор Ветеринарного училища в Варшаве, при содействии Медицинского совета составил вскоре утвержденный проект Устава ветеринарной полиции.⁹ В вводной части подчеркивалось, что скотоводство составляет одну из важнейших отраслей сельского хозяйства в Царстве Польском.¹⁰ Впоследствии этот Устав был разрешен к печати и издан в 1844 г. на польском языке, а в 1845 г. — на русском в Санкт-Петербурге, что указывало на его просветительский характер. В начале книги отводилось немало места для убеждения скотовладельцев в пользе, следующей из применения Устава.¹¹

В 1856 г. меры, предписанные Уставом ветеринарной полиции, были сочтены недостаточными, и Совет управления Царства Польского в виде опыта постановил учредить в каждом уезде под председательством уездного начальника комитет от 9 до 12 человек (смотря по обширности уездов), избранных помещиками и владельцами земских имений, с уездным лекарем как членом по должности. Привлечение общественности было необходимо, поскольку предполагалось введение довольно строгих мер — убоя скота, как больного, так и подозреваемого в контакте с больными животными. Комитеты посылали на места делегации (двух членов с уездным лекарем или ветеринаром), действующие в присутствии и с помощью местного старосты волости или магистрата. За убитый скот владельцы получали вознаграждение, определенное протоколом, составленным делегацией. Уездному начальнику полагалось в восьмидневный срок представить протокол делегации Страховому управлению, которое должно было его проверить и выплатить владельцам причитающиеся деньги в течение следующих восьми дней. Быстрая выплата вознаграждения, а еще более принужденная солидарность, повлияли на успех

этих мер.¹² Правда, в отличие от помещиков, простолюдины часто не обращали внимания на эти правила: «Простой народ, особенно во время неурожая этого года, пытается всеми путями добывать мясо со скота, даже с зарытого и нечистого...»¹³ К сходным выводам приходит А. Белецкий, основываясь на архивных материалах Национального исторического архива Беларуси в Гродно: хотя «от населения губернии тогда требовалось строгое выполнение правил борьбы с чумой», оно не выполняло официальные предписания.¹⁴

Интерес властей к данной проблеме хорошо виден в постановлении Совета управления: крупный степной рогатый скот дозволено было ввозить в Царство Польское лишь через два пункта — Влодаву и Лушков (оба в Люблинской губернии). Одновременно дозволялось держать степной рогатый скот в карантинных пунктах лишь два дня, если он предназначался непосредственно к убою в главных городах края или в Новогеоргиевске, Замосте и Ивангороде для снабжения продовольствием их крепостных гарнизонов. К этим местам скот перегоняли под надзором ветеринара так называемыми воловьими трактами.¹⁵ В 1857 г. было издано уже постоянное правило о страховании. При этом изменялось понимание страхового случая и материальной ответственности скотовладельцев. Во-первых, правила определяли, что страхование касалось только потерь от чумы рогатого скота, а во-вторых, было сочтено, что страхование «в таком только случае принесет существенную пользу, когда целью онаго будет не одно собственно денежное вознаграждение понесенных потерь, но и доставление средств к предохранению скота от падежа».¹⁶ Это означало превращение страхования в некую разновидность косвенного налога.

Упразднение центральных властей Царства Польского и подчинение местной администрации министерствам в Санкт-Петербурге негативно повлияли на ветеринарную полицию, поскольку имперские структуры в этом отношении заметно уступали польским.¹⁷ Местные медицинские учреждения были

⁸ См.: Dziennik Praw Królestwa Polskiego (далее — ДПКП). Т. 31. С. 293–297.

⁹ См.: Królikowski S. Bibliografia polska weterynarii i hodowli zwierząt. Lwów, 1891. С. 92.

¹⁰ См.: ДПКП. Т. 33. С. 452–459.

¹¹ См.: Устав ветеринарной полиции, или Правила для предупреждения и прекращения повальных заразительных болезней домашних животных. СПб., 1845.

¹² См.: ДПКП. Т. 49. С. 380

¹³ Archiwum Państwowe w Piotrkowie Trybunalskim. Фонд: Archiwum Gołębiowskich z Białej Szlacheckiej. № 5. Л. 11–17.

¹⁴ Белецкий А. Борьба с эпизоотиями после войны 1812 г. на Гродненщине // Румлёўскія старонкі: Помнікі гісторыі, прыроды і культуры паміж турыстычнай прывабнасцю і навуковай цікавасцю. Гродна, 2011. С. 203.

¹⁵ См.: ДПКП. Т. 50. С. 128.

¹⁶ Там же. С. 224–263.

¹⁷ См.: ПСЗ. Собр. 2. Т. 41. № 44869; ДПКП. Т. 66. Ст. 61.

ликвидированы и включены в структуры губернских правлений.

Распространение эпизоотий не могло не заботить власти Российской империи. 20 октября 1836 г. был утвержден Устав о карантинных, в 1842 г. Положение о карантинной страже (четвертый раздел Устава медицинской полиции).¹⁸ Однако до 1870-х гг. в России не существовало общегосударственного статистического учета заболеваемости, падежа и выздоровления животных; вместо этого приходилось довольствоваться лишь рапортами с мест локализации болезни. Плохо обстояло дело и с кадрами: встречались уезды, в которых не было ни одного образованного ветеринара.¹⁹

После длительной работы нескольких комитетов 2 декабря 1868 г. при Министерстве внутренних дел учредили совещательный Ветеринарный комитет и структурное подразделение — Ветеринарное управление; кроме того, заведование ветеринарным делом сосредоточилось в Медицинском департаменте.²⁰ Постепенно был усилен надзор над транспортом гуртов рогатого скота и увеличено финансирование развития гражданской ветеринарной службы. Свое значение имело освоение опыта Царства Польского.

Борьба Министерства внутренних дел, окрыленного успешностью карантинных мер против чумы рогатого скота, приобрела почти эпический характер. В середине последней трети XIX в. укрепились нормативная база (распоряжения МВД о мерах по борьбе с заболеванием от 3 июня 1879 г. и от 12 мая 1882 г.). Министр, избегая вмешательства других ведомств, финансировал все мероприятия за счет специальных средств, главным образом полученных от сбора с гуртового скота. Учреждение карантинной линии на границе с Северным Кавказом обошлось в миллионы рублей. Стараниями МВД было введено возмещение за санитарный заботой скота и осуществлялись попытки мобилизации местного населения в милицейские формирования для помощи ветеринарной полиции. И хотя последняя мера себя не всегда оправдывала (местные стражники пропускали

скот по ночам за взятки), общие действия привели к полному освобождению европейской части России от чумы.

Вместе с тем стало понятно, что пока эпизоотия будет беспрепятственно развиваться на окраинах, в частности в киргизских степях и на Северном Кавказе, устойчивого благополучия во внутренних губерниях ожидать не следует. Успехов же на Северном Кавказе невозможно было добиться без понимания и содействия местного населения, сельских и станичных властей.

Одновременно новому осложнению ситуации поспособствовали сугубо бюрократические причины, связанные с межведомственной борьбой между Министерством финансов и Министерством внутренних дел. Исходя из соображений бюджетной дисциплины (если использовать это современное понятие), министр финансов стал настойчиво требовать законного оформления расходов на создание и поддержание карантинных линий путем их утверждения через Госсовет и внесения в бюджет империи. На деле это формально справедливое требование привело к запрету на использование денег из специальных средств МВД, к значительным задержкам финансирования и приостановке действия карантинных линий на несколько лет. Министерство внутренних дел было вынуждено по каждому случаю согласовывать свои действия с другими ведомствами,²¹ в результате чего эпизоотия вновь охватила почти всю Европейскую Россию, нанеся огромный ущерб. Только в 1891 г. снова удалось разделить империю карантинными линиями, а в 1899 г. — реорганизовать эти границы.²²

Действенной мерой стало принуждение к перевозкам скота железными дорогами. По представлению МВД был введен закон «Об обязательном провозе гуртов крупного рогатого скота по некоторым линиям железных дорог», начиная с местностей, лежащих на север от линии, определяемой железнодорожными станциями Нижний Новгород, Муром, Моршанск, Козлов, Грязи, Липецк, Елец, Верховье, Орел, Брянск, Городня, Жлобин и Бобруйск. Одновременно запрещался прогон гуртового скота по трактам, дублирующим те железнодорожные линии, по которым открывалась перевозка скота.²³

¹⁸ См.: Печникова О. Г. Роль МВД в правовой регламентации организации медицинской деятельности в Российской империи в первой половине XIX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 8 (14): в 4 ч. Ч. 3. С. 157, 158.

¹⁹ См.: Корсун В. П. Развитие земской медицины и ветеринарии в конце XIX — начале XX вв.: на материалах Владимирской и Костромской губерний: дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2007.

²⁰ См.: ПСЗ. Собр. 2. Т. 43, ч. 2. № 46500.

²¹ РГИА. Ф. 1162. Оп. 1. ОЗ, 1895 г. Д. 8. Л. 2.

²² Archiwum Państwowe w Lublinie. Фонд: Rząd Gubernialny Lubelski. № W 1900:17; Правительственный вестник. 1900. № 27.

²³ См.: ПСЗ. Собр. 3. Т. 2. № 863; Свод узаконений и распоряжений правительства (далее — СУиП). 1882. 15 Июня. Ст. 374; ПСЗ. Собр. 3. Т. 12. № 8251; СУиП. 1892, 20 марта. Ст. 326.

Ключевые перемены в структурах управления начались в 1897 г., когда ветеринарную часть, подчиненную в губерниях и областях МВД, выделили из ведения врачебных инспекторов и врачебных отделений губернских (областных) правлений.²⁴ Впоследствии и в губернских правлениях Царства Польского ветеринарная служба в 1897 г. была выведена из медицинских отделений и оформлена в сеть самостоятельных ветеринарных отделений.²⁵ В русле общего реформирования ветеринарной службы следует рассматривать создание в 1901 г. Ветеринарного управления МВД в статусе департамента,²⁶ а также утверждение мнения Государственного совета «Об усилении ветеринарного надзора в губерниях Царства Польского» от 8 апреля 1902 г., которое предусматривало учреждение должностей уездных ветеринаров и фельдшеров. Примечательно, что этим документом борьба с эпизоотией изымалась из числа платных услуг, оказываемых ветеринарами в рамках частной практики, и становилась их бесплатным долгом. Вскоре ветеринарные пункты появились и на железнодорожных станциях.²⁷

Надо заметить, что меры правительства сопровождалась корпоративными и общественными инициативами. Ветеринары, ученые и практики, организовали всероссийские, региональные и губернские съезды ветеринарных врачей. Так, например, действительными членами областного съезда 4 июня 1909 г. в Харькове, который стал важным центром ветеринарии, оказались представители земств, сельскохозяйственных обществ, деятели науки и командированные правительством чиновники.²⁸ Этот съезд, между прочим, выработал и принял «Проект обязательных постановлений по предупреждению и пресечению чумы рогатого скота», в котором отчетливо видна роль общественных структур. Губернатор объявлял губернию «угрожаемой» по соглашению с губернской земской управой (§ 2), а организа-

ция части пунктов пропуска скота возлагалась на земских ветеринаров. В § 8 недвусмысленно говорилось о том, что «руководство и организация мерами по предупреждению и прекращению названной эпизоотии всецело лежит на обязанностях губернского земства».²⁹ Очень интересным с точки зрения оценки взаимодействий коронных и общественных организаций было заключение комиссии съезда ветеринаров по вопросу о возврате правительством части расходов на борьбу с эпизоотиями: «Нельзя отрицать связи между имперскими интересами и успехами борьбы с эпизоотиями в разных местностях России; в прямом соответствии с постановкой ветеринарного дела в разных губерниях и областях является отнесение нашей страны в категорию наиболее благоприятствуемых держав по вывозу животных и их продуктов в торговых конвенциях и договорах».³⁰

Примечательно заметное сходство мер, применяемых имперской властью, с теми, которые в свое время были опробованы в Царстве Польском. Это не только мобилизация населения и привлечение общественных представителей к участию в деятельности различных коллегиальных органов, пусть даже и совещательного характера, но и ведение списков зараженного скота, захоронение павших животных, установление сборов со скотовладельцев и скототорговцев, выплата страхового вознаграждения скотовладельцам за забитый скот и т. п.

Это сходство не было случайным. Как уже говорилось, в ходе ликвидации польской автономии в 1871 г. ветеринарная часть Царства Польского вошла в состав Министерства внутренних дел империи. Ознакомившись с богатым опытом и широким спектром мер по борьбе с эпизоотиями, министерские чиновники принялись их осваивать и по мере возможности применять во внутренних губерниях.

Несмотря на то, что МВД отрицательно оценило опыт страхований и с 1 января 1871 г. заменило страхование сбором, оно положительно отнеслось к провозу скота железными дорогами: «Опыт Привислянских губерний выяснил также значение провоза гуртового скота по железным дорогам в деле предупреждения заноса чумной заразы. В прежнее время

²⁴ См.: ПСЗ. Собр. 3. Т. 17. № 14004; СУиРП .1897, 4 июня. Ст. 729.

²⁵ См.: ПСЗ. Собр. 3. Т. 17. № 14004; Górak A. Kancelaria Gubernatora i Rząd Gubernialny Lubelski (1867–1918). Lublin, 2006. С. 140.

²⁶ См.: ПСЗ. Собр. 3. Т. 21, ч. 2. № 20144; СУиРП 1901. 19 июня. Ст. 1140.

²⁷ СУиРП 1902. Ст. 51; Памятная книжка Люблинской губернии на 1901–1912, 1914 гг. Люблин, 1901–1915; Górak A. Op. cit. С. 142.

²⁸ См.: Положение об областном съезде по ветеринарным вопросам из представителей губерний: Таврической, Екатеринославской, Полтавской, Киевской, Подольской, Бессарабской, Херсонской, Волынской, Харьковской и Области Войска Донского. Харьков, 1909.

²⁹ Труды 1-го областного ветеринарного съезда из представителей от губерний и области: Харьковской, Екатеринославской, Херсонской, Полтавской, Киевской, Бессарабской, Полтавской, Волынской и Донской. 4–10 июня 1909 г. Харьков, 1909. С. 271–278.

³⁰ Там же. С. 281, 282.

гурты рогатого скота, предназначавшиеся на продовольствие города Варшавы и Новогеоргиевской крепости (в количестве 50 тыс. голов ежегодно), прогонялись из Волынской и Подольской губернии по скотопрогонным трактам через Люблинскую, Седлецкую и Варшавскую губернии, причем в губерниях этих весьма часто появлялась чума рогатого скота, преимущественно в местностях, прилегающих к помянутым трактам; но по открытии Варшавско-Тереспольской железной дороги (1-го дек. 1869 г.) и, особенно, со времени продолжения этой дороги чрез город Брест на Киев и Москву и данного МВД (в 1872 г.) разрешения возить скот из города Бреста в Варшаву без предварительного карантина на границе Привислянских губерний почти весь скот, назначаемый на продовольствие Варшавы и Новогеоргиевской крепости, стал доставляться в эти местности по Брестско-Варшавской железной дороге. Последствием этого было, что в губерниях Люблинской и Седлецкой чума рогатого скота появляется ныне несравненно реже прежних лет».³¹

Прямым доказательством этого может служить отдельная брошюра «От ветеринарного комитета...».³² В брошюре шла речь об обязательном забое зачумленных животных, о выдаче за них денежного вознаграждения за счет особого сбора, взимаемого со скотовладельцев, и об обязательном провозе гуртового скота по железным дорогам. Ветеринарный комитет заявлял, что «хотя в период 1871–1874 гг. чумная эпизоотия нередко была заносима в Привислянские губернии, то состав применяемых там мер вскоре приводил к ее прекращению. К уже высказанным мерам добавлено: разобчение скота, немедленная и тщательная дезинфекция помещений. И хотя чума появилась в эти четыре года в 461 местностях, то ежегодные потери в скоте достигали средним числом лишь 5 475 голов, когда скота было 2 155 830 голов».³³

Важным моментом в истории борьбы с чумой рогатого скота было введение положения «Об управлении земским хозяйством» от 2 апреля 1903 г. в Юго-Западном крае, а значит на главном пути транспортировки крупного рогатого скота на запад. С 1 июля 1904 г. ветеринарное дело перешло из веде-

ния губернских правлений в ведение управления земским хозяйством губернии. С этого времени все вопросы ветеринарии решались в губернских управах по делам земского хозяйства, принявших, таким образом, характер общегубернских учреждений. Были регламентированы отношения между губернскими и уездными управами, а для улучшения работы последних привлекались местные земские гласные и попечители.³⁴

Активность земств в этой области уже прежде привлекала внимание властей. В 1897 г. МВД убеждало Государственный совет в том, что в течение последних 15 лет все издержки по предупреждению распространения чумной заразы на местной скот относились на земские средства, причем порядок этот не вызывал особых затруднений. На самом деле обременительность этих расходов для земских касс была общеизвестной, но земские учреждения были вынуждены следовать министерскому распоряжению от 3 июня 1879 г. Более того, с конца 1890-х гг. МВД предполагало возложить на земства новую обязанность — борьбу с чумой всего рогатого скота, и местного, и гуртового, посредством содержания на земский счет ветеринарно-карантинных ограждений. В ответ на это общественность уже открыто требовала от МВД предварительных обсуждений с земствами целесообразности и необходимости открытия таких ограждений в каждом конкретном случае.³⁵

Так или иначе, но привлечение общественных сил к борьбе с эпизоотиями принесло очевидный успех. К 1912 г. власти объявили освобождение европейской части страны от чумы рогатого скота. Увы, I Мировая война, а потом революции практически свели этот успех к нулю. Ветеринарную полицию упразднили, а в 1918 г. прекратилось производство вакцинной сыворотки. В 1920 г. в Польше произошла вспышка эпизоотии чумы рогатого скота, где в результате пало 40 тыс. голов.³⁶

Скотоводство и торговля скотом в связи с большим спросом на говядину в Западной Европе и в крупных городах Российской империи

³¹ Там же. С. 3, 4.

³² От Ветеринарного комитета о результатах применения в привислянских губерниях убивания зачумленного и подозрительного скота и провоза гуртов по железным дорогам. СПб., 1875.

³³ Там же.

³⁴ См.: Краткие обзоры состояния ветеринарной части в губерниях и области, участвующих в съездах: Харьковской, Екатеринославской, Полтавской, Херсонской, Таврической, Киевской, Подольской, Бессарабской, Волынской и Донской за 1907 год. Харьков, 1909.

³⁵ РГИА. Ф. 1162. Оп. 1. ОЗ, 1895 г. Д. 8. К. 76.

³⁶ См.: Faszczka K. Polsko-duńska współpraca weterynaryjna w okresie dwudziestolecia międzywojennego // Nautologia. 2010. № 147. С. 72–75.

были сколь выгодными и экономически значимыми, столь и рискованными. Перемещения огромных масс скота по традиционным трактам из Средней Азии, с Северного Кавказа и из Причерноморских степей на запад способствовали распространению инфекционных заболеваний животных, среди которых наибольшую угрозу представляла чума рогатого скота. Ни государство, ни общество сами по себе не были способны остановить вспышки эпизоотий, подрывавших важную отрасль сельского хозяйства и крупнооптовой торговли.

В этой связи миссией государства становилось не только создание административных и полицейских механизмов противодействия заболеваниям, но и мобилизация общественных сил для совместной деятельности. Власть была вынуждена и убеждать общественность в необходимости строгих карантинных мер, и внедрять технические новшества вроде обязательной доставки скота к потребителю железнодорожным транспортом, и находить способы, стимулирующие скотопромышленников к сотрудничеству. Важным и прогрессивным в этом направлении стало внедрение страхования скота и производство компенсирующих выплат в случае его падежа и санитарного забоя, введение специальных сборов, средства от которых шли не только на упомянутые выплаты, но и на проведение профилактических мер для борьбы с эпизоотиями.

Главной же причиной успеха санитарно-карантинных мероприятий следует считать

активизацию корпоративных действий ветеринарного сообщества на местном, региональном и центральном уровнях и последующую передачу всего комплекса полномочий по санитарно-ветеринарному надзору земствам. В конечном итоге, на рубеже XIX и XX вв. удалось достичь некоей со-ответственности властей и общества за успех дела. Примечательно, что многие мероприятия по предотвращению масштабного падежа скота были отработаны на территории Царства Польского и впоследствии успешно внедрялись Министерством внутренних дел в великорусских губерниях.

Однако по ряду объективных причин полного искоренения чумы рогатого скота в Российской империи не удалось достичь. Ощутимые и устойчивые результаты были получены слишком поздно. Последовавшие войны и революции полностью перечеркнули не только предпринимавшиеся усилия, но и саму империю. Парадоксально, но вместе с этим другие, не менее глобальные процессы способствовали тому, что проблемы с эпизоотиями решились как бы сами собой, по крайней мере для Западной Европы. В силу геополитических катаклизмов восточная скототорговля со странами Запада резко сократилась, в частности вследствие роста сбыта других видов мяса и начавшегося импорта говядины из стран Нового Света. Создание СССР и закрытие его границ тоже оказались важными факторами смягчения эпизоотической ситуации с чумой рогатого скота на Западе.

Artur Górak

PhD, University Maria Curie-Skłodowska (Poland, Lublin)

E-mail: Artur.gorak@umcs.lublin.pl

THE STATE AND PUBLIC SUPPORT MOBILIZATION: FIGHTING RINDERPEST EPIDEMICS IN THE RUSSIAN EMPIRE IN THE 19TH — EARLY 20TH CENTURY

The article presents a history of a successful mobilization project addressing an important problem which significantly hindered international food trade — namely fighting the cattle epizootic outbreaks. In the 19th century the driving of cattle from the eastern and southern regions of the Russian Empire to the Kingdom of Poland had a pan-European importance. The trade reached its peak by the middle of the century. The frequent rinderpest outbreaks posed a serious threat to the large scale “food on feet” export business. Fighting the disease with the traditional administrative and police methods proved insufficient and required an active search for a non-standard approach. A solution was found with the help of mobilizing the general public, consolidation and synchronization of the actions of the state authorities and the cattle owners and veterinarian organizations. The crown authorities actions relying on the understanding of all stakeholders and the general public support proved to be a lot more effective than the bureaucratic prohibitions and produced positive results, which however did not have a lasting effect because of the outbreak of the Great War and the subsequent revolutionary events.

Keywords: *Russian Empire, Kingdom of Poland, public mobilization, livestock trade, quarantine, livestock run, epizootic, rinderpest, veterinary police*

REFERENCES

- Baszanowski J. *Z dziejów handlu polskiego w XVI–XVIII w. Handel wołami* [From the history of Polish trade in the 16th–18th century. Trade in oxen]. Gdańsk: Zakład Narodowy im. Ossolińskich Publ., 1977, 239 p. (in Polish).
- Beer J. *Choroby zakaźne zwierząt domowych* [Infectious diseases of domestic animals]. Warszawa: PWRiL Publ., 1980, vol. 2. (in Polish).
- Beletsky A. [Fight against epizootics after the war of 1812 in the Grodno region]. *Rumliouškija staronki: Pomniki historyi, przyrody i kultury pamiż turystyčaj pryvabnasciu i navukovaj cikavasciu. Materijaly IV adkrytaj rehijan. navuk.-praktyč. kanf. pa prabliemach rehijanalistyki i krajaznaŭstva “Rumliouškija čytanni” (Hrodna, 18 liut. 2011 h.)* [Rumlevskogo pages: Monuments of history, nature and culture, between the tourist attractiveness and scientific interest. Proceedings of the 4th Open region. scien.-practical conf. on the problems of regional studies and local history “Rumlevskogo reading” (Grodno, February 18, 2011)]. Grodno, 2011, pp. 196–213. (in Russ.).
- Blanchard I. The Continental European Cattle Trades, 1400–1600. *The Economic History Review*, 1986, vol. 39, iss. 3, pp. 427–460. (in English).
- Domenech J., Lubroth J., Sumption K. Immune Protection in Animals: The Examples of Rinderpest and Foot-and-Mouth Disease. *Journal of Comparative Pathology*, 2010, vol. 142, pp. 120–124. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0021997509003661> (accessed: 15.06.2018). (in English).
- Faszczka K. [Polish-Danish veterinary cooperation during the interwar period]. *Nautologia* [Nautologia], 2010, no. 147, pp. 72–75. (in Polish).
- Gijsbers W., Koolmees P. Food on foot: long-distance trade in slaughter oxen between Denmark and the Netherlands (14th–18th century). *Hist. Med. Vet.*, 2001, no. 26 (3–4), pp. 115–127. (in English).
- Glamann K. The Cattle Trades. *The Cambridge Economic History of Europe*. Cambridge: Cambridge University Press, 1966, pp. 232–240. (in English).
- Górak A. *Kancelaria Gubernatora i Rząd Gubernialny Lubelski (1867–1918)* [The Governor’s office and the provincial government of Lublin (1867–1918)]. Lublin; Radzyń Podlaski: “Libra” Publ., 2006, 342 p. (in Polish).
- Guldon Z., Stępkowski L. [Trade of oxen in the light of customs registers of the Kalisz chamber from 1647–1654]. *Kwartalnik Historii Kultury Materialnej* [A quarterly of the history of material culture], 1978, vol. 26, no. 4, pp. 537–542. (in Polish).
- Horn M. [Trade of oxen in Red Rus in the first half of the 17th century]. *Roczniki Dziejów Społecznych i Gospodarczych* [Annals of Social and Economic History]. Poznań: Wydawnictwo Poynańskiego towarzystwa przyjaciół nauk Publ., 1962, vol. 24, pp. 73–88. (in Polish).
- Korsun V. P. *Razvitiye zemskoy meditsiny i veterinarii v kontse XIX — nachale XX vv: na materialakh Vladimirskoy i Kostromskoy gubernii: kand. diss.* [Development of Zemstvo medicine and veterinary at the end of the 19th — beginning of the 20th centuries: on materials of the Vladimir and Kostroma provinces: Diss. Cand.]. Ivanovo, 2007, 241 p. (in Russ.).
- Pechnikova O. G. [Ministry of Internal Affairs role in medical activity organization legal regulation within Russian Empire in the first half of the 19th century]. *Istoricheskiye, filosofskkiye, politicheskiye i yuridicheskiye nauki, kulturologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice], 2011, no. 8 (14), part 3, pp. 157–158. (in Russ.).
- Rifkin J. *Beyond Beef: The Rise and Fall of the Cattle Culture*. New York: E. P. Dutton, 1992, 353 p. (in English).
- Rybarski R. *Handel i polityka handlowa Polski w XVI stuleciu* [Trade and trade policy of Poland in the 16th century]. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe Publ., 1958, 363 p. (in Polish).